

Д. В. Возчиков

**АМОК, ПОПУГАИ И ВОЛШЕБНОЕ ДЕРЕВО:
МИР НУСАНТАРЫ В ОПИСАНИИ ВЕНЕЦИАНСКОГО КУПЦА XV в.**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена образам Нусантары в отчете венецианского путешественника и купца первой половины XV в. Николо Конти (ок. 1395–1469). Итинерарий купца, в котором содержится краткое описание Малайско-Индонезийского мира — продукт диалога между венецианским купцом и гуманистом Поджо Браччолини. Конти сообщал о своем пребывании на Суматре, «двух Явах» (возможно, Ява и Борнео или же Ява и южная часть Суматры), в Чампе. Нусантара виделась Конти краем насилия и необузданных нравов, он подробно описал сцену амока. Путешественник уделил большое внимание ценным товарам региона, главным образом, пряностям и экзотическим растениям и животным, включая попугаев с Молуккских островов. Однако в отчете Конти отсутствуют упоминания конкретных государств, правителей и дворцов Малайско-Индонезийского региона, что отличает его рассказ от описаний в других близких по времени источниках (мусульманских и китайских). Это составляет известную трудность для идентификации и локализации ряда явлений, упомянутых в отчете. Еще одно важное отличие отчета Конти применительно к Нусантаре — это отсутствие внимания к религиозным практикам ее жителей, что резко контрастирует с пристальным вниманием венецианца к индуистским традициям Южной Азии. Объяснения такого молчания могут лежать в понимании среды, в которой купец вращался в Малайском мире. Образ Нусантары для венецианца — это, в первую очередь, крайние пределы мира с яркими, но устрашающими явлениями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Николо Конти, Нусантара, Ява, Суматра, средневековые путешествия, Венецианская республика, Маджапахит, Ма Хуань, ориентализм

УДК 91(595)(091)

DOI 10.31250/2618-8600-2019-1(3)-73-98

ВОЗЧИКОВ Дмитрий Викторович — к.и.н., доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

E-mail: catullus89@mail.ru

Путешествия по Востоку Николо Конти (ок. 1395–1469) из Венецианской республики охватили огромную территорию от Мамлюкского султаната до Чампы. Свидетельства Конти и других путешественников эпохи «Осени Средневековья» содержат данные о функционировании торговых путей средневековой ойкумены, товарах и символических маркерах определенных территорий, но также могут рассказать о самих путешественниках, их мировоззрении и мотивации к пересечению множества политических и культурных границ. Один из универсальных мотивов путешествия — обретение статуса или его повышение (Головнёв 2016: 13). Любые сообщения путешественника представляют его самого как носителя взаимозависимых представлений о собственном обществе и о различных «других», а среди этих «других» — тех, что представляются наблюдателю жителями «крайних пределов мира». Именно такими Николо Конти представлял себе народы Нусантары.

Николо Конти, знатный уроженец Кьоджи, провел в торговых поездках по Ближнему Востоку, Южной и Юго-Восточной Азии около четверти века. Рассказы венецианца о Востоке сохранились в изложении флорентийского гуманиста и секретаря папы Евгения IV (Габриэле Кондульмера) Поджо Браччолини (1380–1459), включившего их в четвертую книгу трактата «О превратности судьбы» в 1444 г. (Bracciolini 1723: 125–148), а также в пересказе кастильского идадьго Перо Тафура, которого Конти повстречал на обратном пути (Тафур 2006: 95–112). Описания островов Нусантары путешественником содержатся только в книге Браччолини. Вернувшись в Италию, Конти прибыл в 1439 г. во Флоренцию, где в тот момент находился папа, чтобы получить прощение за вынужденное отречение от христианской веры в Египте (Bracciolini 1723: 126). Конти поведал о своих странствиях папскому секретарю. Гуманист расспросил путешественника «в собрании ученейших мужей и у себя дома» и заключил, что его рассказы правдивы и достойны сохранения в письменном виде (Там же). Браччолини пытался преподнести отчет Конти читателю прежде всего как свидетельство открытия заново стран, известных античной традиции, и именно в этом ключе отчет прошел литературную обработку. Отчет Конти можно условно разделить на две части: в первой шел рассказ о маршруте путешествий купца, вторая же отводилась более детальному описанию обычаев жителей «Индий». По мнению У. Туччи, вторую часть можно считать в некотором роде энциклопедией (Tusci 1980: 341). Присутствие собеседника-гуманиста в нарративе Конти особенно велико во второй части, где купец отвечал на прямые вопросы папского секретаря (Rubiés 2000: 97). В этой части данные о разных регионах Востока оказываются нередко перемешаны.

Вся Азия восточнее Ирана в отчете Конти — «Индия»: «Вся Индия разделена на три части: первая — от Персии до реки Инд, вторая — от Инда до Ганга, а третья — все, что далее. Третья часть намного превосходит

остальные в богатствах, человеческом достоинстве и роскоши, а по образу жизни и государственным обычаям равна нам» (Bracciolini 1723: 139). К этой «третьей Индии» путешественник отнес Китай и Бирму, но не Нусантару. Конти, по-видимому, не был в империи Мин. Китай, которым в его представлении все еще правил Великий хан, он рассматривал как самое богатое и высококультурное государство мира, а про его жителей утверждал, что они «скромны, благовоспитанны и богаче жителей других стран» (Bracciolini 1723: 134).

Вероятнее всего, описание гигантских «индийских» кораблей в рассказах венецианского путешественника (Bracciolini 1723: 143; Тафур 2006: 108) относилось к баочуаням (судам-сокровищницам) одной из экспедиций минского адмирала Чжэн Хэ, которые венецианец мог видеть в Нусантаре (Ma Huan 1970: 66). Одно из подробнейших описаний Нусантары первой половины XV в. оставил китайский современник Николо Конти и переводчик трех экспедиций Чжэн Хэ (с 1413 по 1433) мусульманин Ма Хуань в трактате «Пленительные виды / Полный обзор океанских берегов» (между 1413 и 1451) (Кобзев, Еремеев 2006: 244; Ма Хуань 1955).

Хронологических рамок пребывания венецианца в Юго-Восточной Азии Браччолини не приводил. Можно с уверенностью утверждать лишь то, что Конти посетил Суматру, Тенассерим и местность нижнего и среднего течения Иравади (река Дава у Конти) во второй половине 1420-х гг. или в начале 1430-х гг., после чего и отправился на острова, названные им «Явами» (Breazeale 2004: 102). Дж. В. Г. Миллс характеризовал данные отчета Конти по Малайскому архипелагу как «очень скудные» по сравнению с материалами участников экспедиций Чжэн Хэ Ма Хуаня и Фэй Синя, а также Ибн Баттуты (Ma Huan 1970: 44). Однако полностью согласиться с такой оценкой нельзя. Среди западноевропейских источников первой половины XV в. о торговых путях и повседневной жизни стран Южной и Юго-Восточной Азии отчет Конти уникален. Венецианский монах ордена камальдулов Фра Мауро, автор одной из самых подробных карт мира, выполненных в Средневековье (1459/1460), пользовался данными Николо Конти: об этом говорит в частности отождествление им, вслед за путешественником, острова Тапробаны античных авторов не со Шри-Ланкой, а с Суматрой (Suarez 1999: 79; Tucci 1980: 336). Образ Конти вошел в «венецианский миф», декларировавший первенство Республики Святого Марка в торговле, мореходстве и информированности о делах на Востоке.

Знание венецианцем арабского языка (он провел юность в Дамаске) и его присоединение к сообществу арабо-персидских торговцев в начале пути (Bracciolini 1723: 127) может свидетельствовать в пользу знакомства с богатой географической традицией мусульманского мира. Большой объем исторических и этнографических материалов о средневековой Нусантаре приходился на арабские источники, среди которых особое

место занимает повествование о странствиях магрибского путешественника Ибн Баттуты (1304–1368) (Янковская 2014: 51–52).

Если нравы Индостана и Индокитая Конти описал с известной симпатией, Малайско-Индонезийский регион в его итинерарии изображен неприветливым миром с поражающими воображение средневекового европейца обычаями. Путь Николо Конти по Нусантаре начался с Суматры (Sciamuthera). Венецианец отождествил с Тапробаной античных авторов именно ее, а не Шри-Ланку, фигурирующую в его отчете под названием Саиллана (Bracciolini 1723: 130). Оставив Шри-Ланку, Конти отправился на Суматру. Браччолини сообщал:

Ad insulae deinceps Taprobanes, quae Sciamuthera eorum lingua dicitur, civitatem insignem, in qua annum moram traxit (ea vero sex milliarium ambitu patet) nobilissimam ejus insulam emporium, viginti diebus navigavit secundo vento, relicta a dextris insula Andamania, hoc est, auri insula, octingentorum millium passuum ambitu, quam incolunt Antropophagi. Ad hanc nulli deferuntur, nisi tempestate acti, qui discerpti cibis fiunt immanium barbarorum. Taprobanem sex decies centies millibus patere passuum ambitu affirmat. Viri crudeles, et moribus asperi: aures habent permagnas faeminaeque, in quibus aureas in aures ferunt ornatas gemmis, linteis vestiuntur et tela serica genu tenus. Uxores plures ducunt, domos de [p. 130] pressas habent ad evitandum solis aestum. Idololatrae omnes, pipere, reliquo majore, et item longo pipere, camphora et auro plurimo abundant. Piperis arbor persimilis est ederae, grana ejus viridia ad formam grani juniper, quae modico cinere aspersa torrentur ad solem. Fructum viridem habent nomine Durianum, magnitudine cucumeris, in quo sunt quinque veluti Malarancia oblonga, varii saporis, instar butyri coagulate. In ejus insulae, quam dicunt Bathech, parte, Antropophagi habitant, continuum cum vicinis bellum gerentes. Capita humana in thesauris habent, quae ex hostibus captis abscissa, esis carnibus, recondunt, iisque utuntur pro nummis: si quis emit, emit uno aut pluribus, prout res aestimatur: cui plura capita domi sunt, is ditior habetur.

Далее он проследовал в весьма примечательный город острова Тапробаны, что на их языке зовется Сциамутерой, в благороднейший порт-эмпорий этого острова (он же насчитывает шесть миль в окружности), в котором он провел год. Затем он двадцать дней проплыл с попутным ветром, оставив по правую сторону остров Андаманию, то есть — «остров золота», окружностью в восемьсот миль, который населяют людоеды. К нему не приносит ни единого мореплавателя, кроме застигнутых бурей, которые оказываются, будучи разорванными на куски, пищей лютых варваров. Он [Конти. — Д. В.] утверждает, что Тапробана простирается на шесть тысяч миль в окружности. Мужики тут жестоки, а нравы свирепы, и мужчины, и женщины имеют преогромные уши, в которых они носят золотые серьги, украшенные камнями, одеваются в наряды из льняных и шелковых тканей

длиной до колен. Жен заводят многих, а дома имеют очень низкие, чтобы избежать солнечного зноя. Все они идолопоклонники, они в величайшем изобилии располагают перцем, более крупным, чем прочие, также длинным перцем, камфорой и золотом. Перечное дерево очень похоже на плющ, зерна его зеленые и по форме напоминают зерна можжевельника, их они сушат на солнце, посыпав небольшим количеством золы. У них есть зеленый плод, называемый дурианом, размером с огурец, внутри которого еще пять плодов, похожих на продолговатые апельсины, у них различные вкусы, как у сортов сливочного масла. В части этого острова, которую именуют Батех, живут людоеды, которые постоянно воюют с соседями. Они держат человеческие головы как сокровища, обезглавливают пленных врагов, и, съев плоть, сохраняют их головы, используя их в качестве денег: если им нужно что-либо купить, то они расплачиваются одной или несколькими головами в зависимости от стоимости вещи. Тот, кто хранит дома много голов, считается богаче (Bracciolini 1723: 131).

В торговом отношении Суматра привлекательна в первую очередь обилием крупных сортов перца, камфоры и золота. Путешественник посетил здесь прославленный город-эмпорий, так и не названный им, и узнал об охоте за головами у батаков. Других городов на Суматре, кроме порта, в котором Конти жил год, путешественник не упоминал. Обнаружив пристальное внимание к индуистским и буддийским религиозным практикам Южной Азии и Индокитая (см.: Возчиков 2014), к религиозной жизни как Суматры, так и других регионов Нусантары, Николо Конти проявил безразличие. Для человека средневекового Запада стереотипным олицетворением насилия был мир ислама. Однако у Конти сцены насилия никак не связаны с постепенным процессом исламизации Малайского архипелага, и сам этот процесс не нашел отражения в рассказах Конти, избегавшего в принципе исторических сюжетов, в отличие от своего соотечественника Марко Поло, а также рассказов о мусульманах в Южной и Юго-Восточной Азии. Пионерами распространения ислама в Малайско-Индонезийском регионе стали политики северо-восточного побережья Суматры: в самом конце XIII в. вождь торгового селения Самудра Марах Силу (Мерах Силу) принял ислам под именем Малик ас-Салих (ум. 1297), и Самудра стала столицей мусульманского княжества Пасей (Тюрин 2010: 34). Уже Марко Поло, посетивший Суматру в 1292 г. и заставший исламизацию западной части Нусантары в ее начальной фазе, упомянул обращение в ислам «сарацинскими купцами» горожан политики Перлак на Суматре, хотя и сообщал о жителях Суматры, что «все они идолопоклонники» (Книга Марко Поло 2012: 172). Поло четко различал горожан и горцев (батаков). Последних Марко Поло уподоблял диким зверям, отмечая, как позже — Конти, их каннибальские обычаи, а религиозные практики суматранского горца характеризовал не без

доли иронии: «Как встанет утром, первое, что увидел, тому и молится» (Книга Марко Поло 2012: 173). Подобной дифференциации суматранцев по образу жизни и верованиям у Николо Конти через полтора столетия не встречалось. О религии жителей Суматры Конти лишь повторил скупую формулу Марко Поло, что они «все идолопоклонники». В интерпретации венецианского купца Николо Конти цель охоты за головами у батаков состояла в сборе средства обмена. Сакральный аспект охоты за головами, широко распространенной практики в австронезийском мире от Суматры до Филиппин и Тайваня, смысл которой базировался на представлении о благоприносящей роли человеческой головы как вместилища жизненной силы (см.: Ревуненкова 2010: 123–130; Станюкович 1997), остался вне поля зрения путешественника.

Самудра-Пасей сохраняла традиционную структуру экономики, в основе которой лежал обмен продукции внутренних районов острова (камфоры, бензойной смолы, ценных пород дерева и перца) на заморские товары, однако от более ранних политий-эмориев это мусульманское княжество отличалось тесными связями с мусульманами Индии и Ближнего Востока (Тюрин 2010: 35). Конти состоял в одном из объединений мусульманских купцов. Путь венецианца из Шри-Ланки далее на восток скорее всего привел его именно в один из портов северной части Суматры, возможно, на территорию Самудры-Пасея (*Le voyage aux Indes...* 2004: 27, 73). Значение Самудры в международной торговле возросло в XIV в. Ибн Баттута вспоминал о посещении столицы княжества: «Мы с моими спутниками поехали верхом и прибыли в столицу султана — Сумутру, большой красивый город, окруженный деревянной стеной с деревянными башнями» (Ибн Баттута 2014: 128). Образ самого султана у Ибн Баттуты — сугубо положительный: это — «достойнейший и благороднейший правитель, принадлежит к шафиитскому мазхабу и благоволит к факихам, которые посещают его двор для чтения и бесед. Он много воюет с неверными и часто совершает военные походы. Он так скромнен, что ходит на пятничную молитву пешком» (Ибн Баттута 2014: 128). Ибн Баттута, как и Марко Поло, четко делил жителей острова на мусульман и «язычников». Рассказ Конти, не включающий сведений о государствах Суматры и их вероисповедании, оказался крайне скудным, в том числе — по сравнению с его описанием Явы и Молуккских островов. Возможно, здесь проявилось намерение путешественника скрыть ряд подробностей своей биографии во время пребывания в мусульманском государстве.

Николо Конти приводил следующее описание крупных островов Малайского архипелага, именуемых «обеими Явами»:

Sunt insulae duae in interiori India, et pene extremis orbis finibus, ambae Java nomine, quarum altera tribus, altera duobus millibus milliarum protenditur Orientem versus; sed majoris, minorisque cognomine discernuntur, quas ad mare redient transit: absunt a continenti mensis navigatione,

et ipsae centum milliariibus invicem propinquae, in quibus cum uxore et filiis (comites enim omnis perigrinationis habuit) novem mensibus mansit.

Has homini inhumanissimi omnium, crudeliffimique inhabitant. Mures, canes, catos et spurciora quaelibet animalia edentes, crudelitate exsuperant omnes mortales. Hominem occidere pro ludo est, nullique supplicio datur, debitores pro servis adjiciuntur creditoribus, quidam cum mori malint, quam servire, arrepto gladio obvios imbecilliores transfigunt, donec a valentiore obvius et ipsi occidantur, quem postea creditors in jus vocantes cogunt pro motruo satisfacere. Si quis novum ensem emerit, aut gladium, in corpus obvii experitur aciem ferri, neque ulli mors ejus hominis noxae est. Transeuntes vulnus insciunt, laudantque percussoris peritiam in feriando, si recte gladium adegit. Uxores, quot libuerit pro libidine, sumunt. Frequentissimus apud hos ludus, galli invicem pugnantes. Hos diversi producunt ad pugnam, quisque suum superaturum asserens, proque alterius victoria pecuniam etiam adstantes invicem ponunt, pro cujus voto gallus superat, pecuniam tollit.

In majori Java avis praecipua reperitur sine pedibus, instar palumbi, pluma levi, cauda oblonga, semper in arbo [p. 135] ribus quiescens: caro non editur, pellis et cauda habentur pretiosiores, quibus pro ornamento capitis utuntur.

Во внутренней Индии, почти у крайних пределов мира, есть два острова, называемые обеими Явами. Одна из них тянется на Восток на три тысячи миль, а вторая — на две тысячи миль. Они различаются названиями: [Ява] Большая и Малая, и он [Николо Конти] проезжал их на пути к морю. Они отстоят от континента на месяц пути по морю, а друг от друга — на сотню миль. На них [Николо] с женой и детьми, которые сопровождали его во всех странствиях, пробыл девять месяцев.

Эти острова населяют самые бесчеловечные и жестокие люди из всех. Они едят мышей, собак, кошек и всяких еще более грязных животных, жестокостью же превосходят всех смертных. Убить человека для них — забава, которая не влечет никакого наказания. Должники делаются рабами заимодавцев. Те же из них, кто предпочитает скорее умереть, чем стать рабом, хватают меч и закалывают всех встречающих, кто слабее, покуда сами не будут убиты прохожим посильнее. А после заимодавцы вызывают того на суд и требуют возместить долг убитого. Если кто-то покупает новый длинный или короткий меч, то испытывает остроту клинка, вонзая его в тело встречного, и убийство этого человека не считается каким-либо преступлением. Прохожие осматривают рану и хвалят умение убийцы, если тот нанес удар мечом прямо. Жен они заводят столько, сколько требует их сладострастие.

Самая распространенная забава у них — это петушиные бои. Люди с разных сторон выводят петухов на бой, каждый заявляет, что именно его петух выйдет победителем. А присутствующие на состязании ставят деньги на победу одного из них. Кто поставил на петуха-победителя, тот деньги и забирает.

На Большой Яве встречается необыкновенная птица, напоминающая голубя и лишенная ног. У нее легкое оперение и продолговатый хвост, и она постоянно ютится на деревьях. Ее мясо не едят, но кожа и хвост, используемые как головные украшения, высоко ценятся (Bracciolini 1723: 135–136).

Итак, Нусантара для Николо Конти оказалась не только средоточием уникальных товаров, но и краем насилия и необузданных нравов. Ява, несмотря на свое положение значительно восточнее Ганга, в отчете помещена не в «третьей», а «во внутренней Индии». По-видимому, отношение Конти к Яве как к негостеприимному месту не позволило путешественнику отнести этот остров к процветающей и культурной «третьей Индии». Венецианский купец, акцентируя внимание на неразборчивости жителей Большой и Малой Явы в пище, задействовал пищевые маркеры в уничижительном изображении реалий Явы. Правда, поедание рептилий как деликатеса, о котором Конти подробно сообщал в описании Южной Индии и буддийских государств Индокитая (Bracciolini 1723: 133, 136), по-видимому, само по себе не являлось для путешественника признаком «варварского» состояния местного населения. Топоним Явадвипа относился и к Калимантану, и к Суматре, и к Яве уже в раннее Средневековье (Захаров 2012: 88–89). Многообразие значений наименования «Джāўа» проявилось и в мусульманской географической традиции, в рамках которой оно могло применяться к Яве, Суматре (в частности, Ибн Баттута называл «Джāўа» именно ее) и всей западной части Малайского архипелага (Ибн Баттута 2014: 128, 132–133). Ж. Бушон склонна отождествлять Большую Яву отчета Конти с Борнео, а Малую — с собственно Явой (Le voyage aux Indes... 2004: 27–28). Под диковинной птицей, якобы лишенной ног, Конти, по-видимому, имел в виду один из видов райских птиц, обитающих на Новой Гвинее и близлежащих островах (архипелаг Ару, в частности, в современной провинции Малуку, Индонезия), перья или чучело которой он мог видеть на Яве или Борнео. Марко Поло, с чьей книгой Николо Конти, очевидно, был знаком, называл Малой Явой именно Суматру (Книга Марко Поло 2012: 172). Марко Поло приводил практически те же самые данные о размерах Большой и Малой Явы, что и Конти: более трех и более двух тысяч миль в окружности (Книга Марко Поло 2012: 171–172). Поэтому представляется вполне вероятным, что Большая и Малая Ява Конти — это соответственно Ява и южная часть Суматры.

Для малайско-индонезийских сюжетов отчета венецианца характерно отсутствие упоминаний монарших имен или титулов и даже названий государств и политических центров Нусантары (и на Суматре, и на «обеих Явах»), что затрудняет понимание, к какой части огромного региона относилось то или иное зафиксированное путешественником явление. На Яве Конти побывал в период правления в империи Маджапахит (1293–1520/1527) короля Викрамавардханы (1389–1400, 1401–1429) или

королевы Сухиты (1429–1447). Пережив жестокую междоусобную войну «западного и восточного кратонов» (дворцов) в начале XV в. и утрату ряда ранее подвластных территорий, империя Маджапахит во время путешествий Конти все еще сохраняла статус великой державы, под контролем которой оставались Центральная и Восточная Ява, Бали и Мадуро (Бандиленко и др. 1992. Ч. 1: 143, 145–146). В тексте Конти–Браччолини содержится достаточно подробное описание двора и гарема правителя индуистской империи Виджаянагар (1723: 129), упомянуты правители Бирмы или, возможно, Аютии (1723: 132) и Китая (1723: 134), однако применительно к региону Нусантары путешественник ничего не сообщал о государях, дворах и дворцах. Отсутствие этих упоминаний, контрастирующее с близкими по времени описаниями Малайско-Индонезийского региона Ибн Баттутой и Ма Хуанем, является существенным моментом. Как отмечает М. Ю. Ульянов, отсутствие сведений о дворце, аудиенциях и административном аппарате в подробном описании талассократической державы Шривиджая (Саньфоци в китайской передаче) в труде южносунского чиновника Чжао Жугуа «Описание всего иноземного» («Чжу фань чжи», 1225) само по себе, вероятно, означало, что, с китайской точки зрения, государственное устройство Шривиджайи воспринималось как архаическое, лишенное привычных для Китая сложных чиновных структур (Чжао Жугуа 1996: 147). Николо Конти рассматривал государства Малайского архипелага как «варварские» по отношению к Европе и Китаю.

Особое место в рассказе Конти о Малайском архипелаге занимали птицы. Домашний петух — животное совсем не экзотическое, а вполне «повседневное» одновременно и для средневековой Европы, и для Юго-Восточной Азии, — символически емкий и важный образ в культурах Нусантары. Петушиные бои часто сопровождали основные обряды жизненного цикла у народов Малайского архипелага, а также были значимым элементом репрезентации монаршей власти. В малайской хронике «Сулалат-ус-салатин» рассказывалось, что на петушином бое при дворе одного из государей яванской империи Маджапахит «было так шумно, что крики, казалось, доносились до небес» (Ревуненкова 2008: 265). Клиффорд Гирц, посвятив многие годы исследованию традиционной балийской культуры и в частности роли в ней практик, связанных с петухом (*sabung*), констатировал: «Ведь это только на первый взгляд там быются петухи. На самом деле быются люди. Каждый, кому довелось провести на Бали хоть какое-то время, не мог не заметить, что балийские мужчины психологически отождествляют себя со своими петухами» (2004: 479). Для балийского мужчины бойцовый петух, предмет особой гордости и заботы, символизировал одновременно его идеальное «я» и его половой орган, а кроме того и «силы тьмы», животное начало в человеке, вызывающее одновременно ненависть и тайное восхищение (Гирц 2004: 481). Перефразируя Гирца, можно заметить, что в итинерарии Конти бойцовые

петухи представляли людей и служили наглядным свидетельством их необузданности — агрессии и пристрастия к азартным играм.

Кonti связал полигамию, характерную для региона, со сладострастием местного населения. Необычайное сластолюбие путешественник приписывал жителям и Южной Азии, и Индокитая. На средневековом Западе представления о чрезвычайном сладострастии распространялись одновременно и на исламский мир, и на «идолопоклонников» условных «Индий». В эпоху крестовых походов в западном интеллектуальном дискурсе прочно утвердились стереотипы об исламе как о религии, потворствующей плотским утехам. Доминиканец-энциклопедист Винцент из Бовэ (ок. 1190–1264), автор чрезвычайно популярного в эпоху высокого и позднего Средневековья «Великого зеркала», описывал мусульманский рай как место, где предаются безделью и распутству (Лучицкая 2001: 140). Сладострастие индийцев воспринималось Николо Контти как нечто само собой разумеющееся и в его рассказе фигурирует как общее место. Контти объяснял повсеместное распространение проституции в Южной и Юго-Восточной Азии тем, что «индийцы склонны к сладострастию» (Bracciolini 1723: 140). Рассказ путешественника об Аве в основном свелся к описанию продающихся в огромной столице бирманской державы генитальных бубенцов (*sonalia*), золотых, серебряных и медных, и о подробностях крайне болезненной операции их помещения в мужской детородный орган — якобы неперемного условия для женитьбы бирманского мужчины (Bracciolini 1723: 132). Однако в Нусантаре Контти не зафиксировал подобных приспособлений. В отчете Николо Контти чрезмерное сладострастие не было исключительной особенностью Нусантары. Указание на сладострастие жителей Малайско-Индонезийского региона у Николо Контти не иллюстрировалось какими-либо примерами. Характерно, что за фразой о сладострастии яванцев непосредственно следовало описание петушиных боев, о значении которых в жизни малайско-индонезийских народов Контти, по всей видимости, так или иначе был осведомлен.

В пространном рассказе венецианского путешественника о нравах малайско-индонезийского мира содержится, по-видимому, наиболее раннее свидетельство в европейском источнике об амоке — сложном социально-психологическом феномене Нусантары. Амок (амук) — состояние бешенства, необузданной ярости (Ревуненкова 2008: 300), в «Сулалат-ус-салатин» амок упоминался неоднократно и в различных формах. Иногда — как чисто спонтанная вспышка агрессии, иногда — как процесс, в некотором роде управляемый. Так, согласно «Сулалат-ус-салатин», сын министра Малаккского султаната тун Хусейн говорил своим противникам: «Если кто-нибудь оскорбит моего отца, я впаду в состояние амока» (Ревуненкова 2008: 372). Одной из главных наглядных иллюстраций «варварства» яванцев для путешественника стала сцена буйства несостоятельного должника, не желавшего идти в долговое рабство к кредитору.

Очевидно, здесь можно увидеть форму амока, при которой человек «запускает процесс» по собственной воле, но затем уже совершенно не в силах его остановить. Именно яванцы, а не жители империи Виджаянагар с их сати и самоубийствами на празднестве колесниц, названы Конти бесчеловечнейшими. Вероятно, здесь дело отчасти в личных впечатлениях Конти, встретившего на Яве более воинственную, по сравнению с виденными им ранее, культуру, отчасти — во влиянии мореходно-купеческой среды, частью которой венецианец был. Немалую роль в негативном отношении венецианца к Яве с ее подлинным культом меча и кинжала (криса) могло сыграть то обстоятельство, что в самой Венеции в этот период ношение оружия было запрещено. Перо Тафур писал: «В этом городе никто никогда не носит оружия, под угрозой страшнейшего наказания, какие бы обстоятельства ни были, и еще меньше дерзнул бы кто-нибудь прийти с оружием на совет» (2006: 216). В тексте Конти–Браччолини применительно к Яве выделено два вида оружия: *ensis* («меч», «обоюдоострый меч») и *gladius* («меч», «короткий меч»), причем именно вторым термином обозначено оружие, которым ввапший в амок должник убивает прохожих. Автор английского перевода отчета Конти (1857) Дж. Уинтер Джонс перевел первое как *scimitar* (меч с изогнутым клинком), а второе — как *sword* (The Travels of Nicolò Conti... 1857: 16). Одно из этих наименований, фигурирующих в записи Поджо Браччолини отчета Конти (вероятнее — *gladius*), указывает на чрезвычайно распространенный у народов Нусантары кинжал с широким лезвием — крис (*keris*), который был обязательным элементом мужского костюма яванцев и малайцев, любые действия с ним регламентировались сложным ритуалом. Крис ассоциировался с лингамом, а его ножны — с йони, ему приписывались функции поддержания космического порядка, особенно, если речь шла о крисе государя или военачальника, крис наделялся множеством сакральных функций и рассматривался как живое существо, способное летать в поисках жертвы (Погадаев 2007: 134). Длинные мечи в Малайско-Индонезийском регионе также воспринимались как символы власти, им давались имена (Ревуненкова 2008: 141).

Из близких по времени к Николо Конти иностранных (по отношению к Малайско-Индонезийскому региону) авторов большое внимание обычаям яванцев, связанных с оружием, уделил Ма Хуань. В его труде сообщалось, что один или два ножа под названием булатоу (不刺頭) носил за поясом король Маджапахита, а все яванцы мужского пола — от трехлетних мальчиков до столетних старцев — имели эти ножи искуснейшей работы из булатной стали, украшенные изящным узором и снабженные ножнами из золота, слоновой кости или носорожьего рога с резными изображениями человеческой фигуры или лика демона (1955: 8). Далее Ма Хуань утверждал:

Жители страны — и мужчины, и женщины — очень дорожат своей головой. Если человек дотронется рукой до их головы, или в торговле [обнаружится] непонимание по поводу денег и товара, или [некто] вина напьется до безумства и устроит словесное препирательство, то [они] тут же достают эти ножи и пронзают ими [обидчика]. Кто сильнее, тот и побеждает. Если [некто] заколет человека до смерти, этот человек скрывается и через три дня обнаруживает себя. Тогда [убийце] не [придется] поплатиться жизнью. Если же [убийца] будет немедленно задержан, то тоже будет заколот¹ (1955: 8).

Рассказ о преступлениях и наказаниях на Яве Ма Хуань завершил утверждением: «Согласно обычаям этой страны, ни один день не обходится без человекоубийства. И это воистину ужасает!» (1955: 8). Наименование «булатоу» в китайском тексте передавало слово «беладау». Беладау — меч с широким и кривым клинком, который носили спрятав в рукаве или за поясом для внезапного удара, в «Сулалат-ус-салатин» оружие этой формы упоминалось в качестве священного меча властителя Чампы (Ревуненкова 2008: 306, 308). По-видимому, малайское слово *beladai* не использовалось еще в то время в яванском для обозначения определенного вида оружия с кривым однолезвийным клинком, а было частью регионального лингва франка, использовавшегося в крупных портовых центрах для общения с иностранцами (Ma Huan 1970: 87). Речь в сценах насилия на Яве и у Конти, и у Ма Хуаня шла о преимущественно колющем (действие, причиняемое оружием, обозначалось в их отчетах как «пронзать»/«прокалывать», соответственно — латинское *transfigo* и китайское 刺), а не рубящем оружии. Поэтому, учитывая широчайшую распространенность криса на Малайском архипелаге, представляется вероятным, что под распространенным яванским орудием убийства и венецианец, и спутник Чжэн Хэ имели в виду крис. Крис, согласно традиции, нельзя покупать и продавать, его нужно унаследовать или подарить, поэтому в случае, когда он все-таки становится объектом торговой сделки, ее участники избегают товарно-денежной терминологии, используя слова, приличествующие бракосочетанию: в Брунее, в частности, до сих пор намерение купить крис выражается формулой «я хочу обручиться с крисом» (Погадаев 2007: 135–136). Однако в описании Конти оружие фигурировало в качестве объекта купли-продажи (он приводил пример с пробой только что приобретенного меча), венецианский наблюдатель в достаточной мере понимал местные реалии и знал, что меч и кинжал в принципе можно приобрести как товар.

Большой интерес представляет краткое описание венецианцем богатых специями островов, именуемых им Сандаи и Бандам. Под ними, по-видимому, подразумевались острова Молуккского архипелага

¹ Здесь и далее перевод с китайского текстов Ма Хуаня и Ван Даюаня выполнен автором статьи.

(современная провинция Малуку в Индонезии), а конкретно под островом Бандам, скорее всего, — группа островов Банд. Конти отмечал:

Has ultra, xv dierum cursu duae reperiuntur insulae, Orientem versus; altera Sandai appellata, in qua nuces muscatae et maces; altera Bandam nomine, in qua sola gariofali producuntur, deferunturque ad Javas insulas. Bandam triplices fert psittacos, pennis rubeis, croceoque rostro; et versicolores, quos Noros appellant, hoc est, lucidos, ambos magnitudine palumborum, et item albos gallinis pares. Hi Cachi, hoc est, eminentiores vocati, caeteros antecellunt loquela hominum, quam mirum in modum, ut etiam respondeant petentibus, imitantur. Ambas insulas nigri ex colore homines tenent, ultraque eas mare haud pervium est, arcenturque ab aere navigantes.

В пятнадцать дней пути от них [Большой и Малой Явы] на восток находятся два острова. Один из них, на котором добывают мускатный орех и мадис, называется Сандаи. Другой остров под названием Бандам — единственное место, где произрастает гвоздика и оттуда доставляется на острова Явы. На Бандаме живут три вида попугаев: одни — с красными перьями и золотистым клювом, другие — пестрые, которые зовутся нори, что значит “светлые”, оба вида — размером с голубя, а также белые попугаи с курицу величиной. Они называются кахи, то есть “более замечательные”, превосходят прочих попугаев в человеческой речи, которой чудесным образом подражают, и даже могут отвечать вопрошающим. На обоих островах живут люди черного цвета, за этими островами море несудоходно, путь мореходам закрывают бури (Bracciolini 1723: 136).

В малайском языке слово *nuri* (*nori*) означает «попугай»², поэтому, скорее всего, «нори» в описании Конти — обобщенное название нескольких видов этих птиц. Судя по пояснению к названию пестрых разновидностей попугаев, венецианец, включившийся в мусульманскую купеческую среду и знавший арабский язык, связывал услышанное им малайское наименование с арабским словом «нур», означающим «свет». В культурах Южной и Юго-Восточной Азии образы попугаев представлены весьма широко. В индийском эпосе и сказках широко распространены сюжеты о птицах, обладавших некогда речью, но утративших ее, говорящие птицы очень часто выступают в роли рассказчиков или вестников (Краснодембская 2009: 122). В мусульманской географической традиции попугаи нередко наделялись баснословными свойствами. Арабский географ XII в. Мухаммад ал-Идриси писал, что название восточных островов Вак-Вак заимствовано из языка попугаев и восходит к слову, которым обозначалось «дерево, встречающее всех, кто высаживается на берег, криками “уак-уак”» (Цит. по: Хенниг 1961. Т. 2: 301). Однако Николо Конти, отмечая способность попугаев к точной имитации

² Автор выражает глубокую признательность за консультацию доктору исторических наук, главному научному сотруднику МАЭ РАН Елене Владимировне Ревуненковой.

человеческой речи, не стал приписывать умным птицам какого-либо повествования или наличия собственного языка. Рассказ Конти о молуккских попугаях отчасти перекликался, отчасти расходился с описанием попугаев в труде Ма Хуаня. Ма Хуань, перечисляя орнитофауну территорий, подвластных Маджапахиту, сообщал: «Из удивления достойных птиц [здесь] есть белые попугаи (бай инъу 白鸚鵡), крупные, как курица, красно-зеленые попугаи, пятицветные попугаи, священные майны. Все [они] способны подражать человеческой речи» (1955: 10). По-видимому, сопоставление какаду (а кахи у Конти, как и большой белый попугай у Ма Хуаня, — это несомненно какаду) с курицей по размеру было описательным штампом в этот период в среде иностранцев, имеющих дела в Нусантаре. Гвоздика в трудах мусульманских авторов фигурирует как ценный и престижный товар. Уже Ал-Йа'куби (ум. 897 или после 907) в «Книге стран» свидетельствовал: «Там, где произрастает гвоздика, распространяется ее тонкий, резкий, весьма приятный аромат, так что его называют “дуновение рая”...» (2011: 115). Описания попугаев и молуккских пряностей в итинерарии венецианца — реалистическая зарисовка, дававшая беглую классификацию ценных в торговом отношении птиц и растений. Несмотря на нередко встречающиеся в разных текстах мифологические подробности, связанные со специями, сведения о пряностях в Средние века не относились к секретной информации, а лишь составляли специализированную область знания (Юрченко 2007: 548). Однако для путешественника за Молуккскими островами обитаемый мир кончался и, скорее всего, говорящие «чудесным образом» (хотя и вполне реальные) попугаи, а также мускатный орех и гвоздика (подлинным источником этих пряностей были Сандаи и Бандам), выступали в его рассказе символами предельной области ойкумены, за которой начинались непознанные и запретные пространства.

Индустское царство Чампа в отчете Конти описывалась буквально в одном предложении. Про Чампу Поджо Браччолини сообщал лишь, что Конти отправился с товарами с Явы в «морской город, именуемый Чампой, богатый деревом алоэ, камфорой и золотом» (Bracciolini 1723: 136). Оттуда Конти вновь поехал на юг Индостана. Алоэ — еще один очень ценный в средневековом мире товар, его в качестве «визитной карточки» Чампы упоминал ал-Йа'куби, отмечая, что алоэ *ас-санфи* (чампское) — «лучшее алоэ, придающее стойкий аромат одеждам» (ал-Йа'куби 2011: 113).

Во второй части отчета Николо Конти несколько раз возвращался к Нусантаре, однако это касалось сугубо «ботанических» сюжетов. Купец Конти, обычно очень внимательный к особенностям флоры и фауны (реальной и воображаемой) посещенных им стран, рассказал Браччолини об экзотическом дереве, произрастающем на «Большой Яве»:

Java insula, quae appellatur major, fert arborem, et eam perraram, cujus in medio reperitur ferreus stylus pertenuis et oblongus, quantum arboris truncus. Ejus portiunculam qui defert, ita ut carni haereat, inviolabilis est a ferro, ob eamque causamplures, scissa cute, corpori inserunt. Idmaximiaestimatur.

На острове Ява, которая зовется Большой, есть весьма редкое дерево, в середине которого находится тонкий и длинный железный кол, длинной равный стволу дерева. Тот, кто носит с собой его [этого стержня] маленький кусочек, если он касается его плоти, неуязвим для железа, поэтому многие, надрезав кожу, вставляют эти кусочки в свое тело. Это очень высоко ценится (1723: 147).

Указание на снадобье, помогающее в бою, встречается в китайских свидетельствах о Нусантаре. В китайских источниках сунского и юаньского времени это свидетельство было общим местом трафаретного описания Шривиджаи. Южносунский интеллектual Чжоу Цюйфэй в сочинении «Лин вай дай да» («За хребтами. Вместо ответов», 1178) сообщал про эту островную империю: «В стране ничего не производится, а люди привычны к сражениям и штурмам. Втирают снадобье в тело — клинок не может поранить. В штурме на суше, в сражении на воде решительно атакуют — нет никого, кто [устоял бы] пред ними. Вот поэтому соседние страны повинуются ей» (Чжоу Цюй-фэй 2001: 141). В «Описании всего иноземного» Чжао Жугуа сообщал о военной мощи Шривиджаи: «Люди страны опытни в сражениях на воде и на суше. Те, кто ходят в походы, на эти случаи делают снадобье, придающее стойкость. Во главе стоят вожди. Все сами готовят вооружение и еду. Перед лицом врага не страшатся смерти. [Саньфоци] гегемон над всеми странами» (1996: 143). Сюжет о средстве, помогающем воинам Шривиджаи, встречался также в сочинении 1349 г. китайского путешественника эпохи Юань Ван Даюаня «Краткое описание островных варваров» («Даои чжилюз») (Ван Даюань 1981). Ван Даюань сообщал о Шривиджае:

[Жители Саньфоци] опытни в ведении войны на воде и на суше. Военачальники и воины принимают снадобье, оружие не может нанести [им] ран. Благодаря этому, [Саньфоци] господствует над всеми странами (1981: 141).

Во всех трех текстах присутствует формула, содержащая указание на военную мощь империи Шривиджая и снадобье, эту мощь усиливающее. О происхождении снадобья — растительном, животном или минеральном — разъяснений не следовало. В отличие от Чжао Жугуа, Ван Даюань однозначно объяснял региональную гегемонию Шривиджаи употреблением таинственного снадобья (яо 藥), якобы придающего воинам неуязвимость. Если у Чжао Жугуа некое снадобье, природа которого отдельно не рассматривалась, просто придавало воинам стойкость (то есть имело скорее психический эффект), то для более раннего автора Чжоу Цюйфэя

и более позднего Ван Даюаня оно защищало их от неприятельского оружия посредством боевой магии. Ко времени написания трактата Чжао Жугуа, в империи Шривиджая возобладали центробежные тенденции, а во второй половине XIII в. одновременно с усилением сиамского государства Сукотай и яванского Сингасари Шривиджая окончательно перестала существовать как империя (см.: Чжао Жугуа 1999: 159, 166). Ван Даюань лишь передавал в качестве топоса мифологизированные представления о былом могуществе великой островной империи Шривиджая. Николо Конти «привязал» чудесное дерево к «Большой Яве», не назвав какого-либо государства и ничего не говоря о политических последствиях наличия такого средства обороны, якобы дарующего неуязвимость воинам. Купец Конти видел во фрагментах сердцевины дерева ценный товар, а гуманист Браччолини, вероятно, диковину далекого края, подтверждающую комплекс представлений об «Индиях» как области чудес и всего необычного. Конти, в отличие от китайских авторов, четко указывал на древесное происхождение снадобья. В Нусантаре твердая древесина дерева вилва (маджа, *Aegle marmelos*) широко используется для изготовления рукоятей кинжалов, а его плоды, горькие на вкус, считаются верным средством от дизентерии (Ревуненкова 2008: 157). С этим растением связывалась легенда, приводимая в «Книге царей» («Параратон»): когда Виджая, основатель государства Маджапахит, и наместник Мадурь Виараджа осваивали низовья реки Брантас, один из мадурцев, проголодавшись, съел несколько плодов маджа, оказавшихся очень горькими. Мадурец выбросил плоды, назвав место по имени плодов вилвы — Маджапахит (Ревуненкова 2008: 157). Николо Конти, проведя в Нусантаре значительный срок, мог узнать легенду о снадобье неуязвимости, монополию на которое якобы имела давно сошедшая с исторической арены талассократия Шривиджая, в купеческой среде (возможно, непосредственно от китайских переселенцев в Нусантаре), и одновременно — данные о твердом, ценном и связанном с оружейным делом дереве маджа. Ничего не сообщая о государствах и их политических границах, путешественник, вероятно, соединил эти два представления в единый рассказ.

Ма Хуань в приведенном выше пассаже о нравах подданных Маджапахита упоминал злоупотребление хмельными напитками как одну из возможных причин жестокой поножовщины. У Николо Конти алкогольная культура Нусантары нашла отражение лишь в беглом пассаже во второй части отчета и относящегося к Суматре. Браччолини передавал рассказ путешественника: «На Тапробане надрезают ветви дерева, которое называют тал (Thal), из этих веток, когда они высоко подвешены, стекает сладкий сок, который для них излюбленный напиток» (Bracciolini 1723: 139). Здесь, по всей видимости, имелось в виду пальмовое вино, изготовляемое из перебродившего сока пальмы и известное в Индонезии как туак (Ревуненкова 2010: 60; Станюкович 2018: 33–36).

Камфора, неоднократно упомянутая в отчете Конти, пользовалась большим спросом. Суматранская камфора была хорошо известна и в Китае, и в мусульманском мире, а также в Европе (с XII в.), где она считалась общеукрепляющим средством, с ее помощью «оздоравли» воздух, предотвращая распространение моровых болезней (Еманов 1995: 83; Юрченко 2007: 552). Камфору упоминал среди важнейших товаров Малайско-Индонезийского региона Чжао Жугуа, отмечая, что она происходила не из Саньфоци (Шривиджая), а из Бони (Бруней) и «страны Бинсу» (1996: 144, 150). В Китае камфора, ценившаяся как лекарство от глазных недугов и «нечистых испарений» в сердце и животе, а также как составляющая благовоний и курений, ассоциировалась с драконами, властвовавшими над морями, а одно из ее названий было «мозг дракона» (Шефер 1981: 224–226). Мифологический сюжет, связанный со сбором камфоры, приводился венецианским путешественником в описании не Малайского архипелага, а монского государства Пегу. Поджо Браччолини изложил рассказ венецианца о его маршруте через Бирму: «Из Авы он [Николо Конти. — Д. В.] отправился по направлению к морю и через семнадцать дней достиг устья небольшой реки, где находится порт под названием Ксеитона. И оттуда он за десять дней по реке добрался до многонаселенного города окружностью двенадцать миль, который жители зовут Панковией, и пробыл там четыре месяца. Только в этом месте можно найти лозы, но и здесь их очень мало, ведь в целой Индии нет ни лоз, ни вина. Из виноградных гроздей местные жители не делают вина. У них есть сосны, золотые яблоки, каштаны, дыни, правда, маленькие и зеленоватые, белый сандал и камфора. Она таится в дереве, и, если перед тем, как надрезать кору, они не совершат приношений своим богам, то камфора пропадет и больше не появится» (1723: 134–135). Очень схожее описание религиозных практик, связанных с добычей камфоры в Юго-Восточной Азии, приводил Ибн Баттута, однако, в отличие от венецианца, он связывал эти ритуалы добытчиков ценного вещества как раз с Суматрой и был уверен, что камфора — это тростник, а не дерево: «Если сломать тростинку, то внутри можно найти камфору той же формы, что и стебель. Удивительный секрет [камфоры] в том, что она образуется в этом тростнике только тогда, когда у его корней убивают какое-нибудь животное. В противном случае никакой камфоры не возникает» (2014: 130). Ибн Баттута имел искаженное представление о том, что за растение является источником камфоры. Ошибка путешественника была связана с тем, что камфора, предназначенная на вывоз, упаковывалась в разрезанный по сочленениям бамбук, из-за чего Ибн Баттута решил, что камфора так и произрастает (Шефер 1981: 225). Николо Конти все-таки знал, что камфора добывается из дерева. Скорее всего, сюжет о происхождении камфоры Конти почерпнул в среде мусульманских торговцев.

Не исключено, что под лозой, произрастающей в державе Пегу, венецианец подразумевал перечную лозу, главный ингредиент жевательной смеси бетеля, хотя в упомянутом пассаже ничего не говорил о характере ее использования. Однако констатация отсутствия в «Индии» виноградных лоз, возможно, в этом контексте указывает на определенную параллель между социально-культурными функциями алкоголя и бетеля соответственно в Европе и Индии и Юго-Восточной Азии. Сходство в способах культивирования виноградной и перечной лоз прослеживал Ибн Баттута: «Бетель — это растение, которое выращивают так же, как виноградную лозу» (Янковская 2015: 33). М. В. Станюкович отмечает: «“Алкогольный код” в культурах Азиатско-Тихоокеанского региона потеснен “бетельным кодом”: везде, где распространен обычай жевания этой стимулирующей/релаксирующей смеси, на ритуально-символическом уровне ей делегированы многие функции алкоголя» (2018: 31). Столь важный в повседневной жизни народов огромного пространства Южной и Юго-Восточной Азии бетель в отчете Николо Конти упоминался лишь эпизодически и не был «привязан» к Малайско-Индонезийскому региону. В его описании похоронных и траурных обрядов «внутренней Индии», куда Конти включал Индийский субконтинент к востоку от Инда и Нусантару, содержится следующее замечание: «Друзья [покойного] в знак траура держат в эти дни во рту горький лист» (Bracciolini 1723: 142). Никаких дополнительных характеристик «горького листа» путешественник не приводил. Бетель часто фигурировал в рассказах Ибн Баттуты (причем не только в Юго-Восточной Азии, но и на Аравийском полуострове): поднесение бетеля означало завершение приема во дворце султана Самудры-Пасея, а на свадьбе сына этого султана важную роль в обряде бракосочетания играл ритуал, согласно которому жених и невеста угощали друг друга бетелем (Ибн Баттута 2014: 129, 132), бетель широко использовался также в похоронной обрядности и сопровождал множество обрядов жизненного цикла (Янковская 2015: 37). Магрибский путешественник перечислил лечебные характеристики бетеля: «Свойства бетеля таковы, что он освежает дыхание, устраняет запах изо рта, улучшает пищеварение и предотвращает вред от питья воды на голодный желудок. Его употребление веселит и увеличивает потенцию» (Янковская 2015: 34). Он — одновременно лекарство, тонизирующее средство и афродизиак. Невозможно представить, что Николо Конти, участвуя много лет в плаваниях и торговых операциях в разных уголках «трех Индий», избегал употребления этой жвачки, несущей важную коммуникативную функцию. Скорее всего, он предпочел не рассказывать об особенностях ее употребления папскому секретарю.

Путешественник из Венецианской республики, побывавший в Южной и Юго-Восточной Азии в эпоху трансокеанских колониальных империй, Чезаре Федеричи (ок. 1521–1601) писал о бетеле так: «Из Каннура вывозится <...> большое количество ареки, которая представляет собой

плод величиной с мускатный орех. Ее едят во всех тех частях Индии и в другой Индии с листом травы, называемой бетель (Betle) и напоминающей наш плющ, но тоньше, и едят ее перемешанной с известью, добытой из створок устрицы. И по всей Индии каждый день тратят огромные суммы денег на эту смесь <...> Ее жевание делает зубы черными, а плевики от него становятся цвета крови. Они говорят, что это хорошо для желудка и для дыхания, но, по моему суждению, ее употребляют скорее для распушенной праздности: поскольку эта трава очень горячая, она придает им больше сил при соитии» (Federici 1587: 51–52). Федеричи видел в бетеле главным образом афродизиак, что само по себе представлялось ему предосудительным, и с надменным скепсисом воспринимал утверждения своих индийских собеседников о полезных свойствах жвачки для дыхания и пищеварения. Зарисовка о употреблении бетеля венецианским купцом XVI в. — пример европоцентристского дискурса колониальной эпохи (пусть родина самого автора — Республика Св. Марка — и не располагала колониями в «Индиях», как Португалия), в рамках которого чернение зубов (несмотря на то, что в Европе XVI в. оно еще долго оставалось в моде, в частности — в Англии) и другие модификации тела трактовались как признаки варварства и половой распушенности (Станюкович 2015: 252). Николо Конти, в отличие от Федеричи, трудно назвать в полной мере европоцентристом: «варварство» жителей Нусантары для него было «варварством» одновременно относительно Европы и «Третьей Индии».

Хотя Конти посетил ряд индуистских и буддийских государств и, по-видимому, побывал в пределах Маджапахита с его сложным синкретическим государственным культом, попыток выявить какие-либо различия между индуизмом и буддизмом в рассказах Конти–Браччолини не просматривается. Как отмечает Брайан Э. Коллесс, китайский мусульманин Ма Хуань — единственный из описателей Маджапахита, кто свидетельствовал о присутствии мусульман (хуэйхуэй), среди них — некоторых китайских переселенцев, в пределах этой державы (Colless 1975: 48). В составе мусульманского торгового объединения Николо Конти имел все шансы так или иначе пересечься с китайскими мусульманами на Яве или Борнео. Конти, хотя и подчеркивал первенство Китая в ойкумене «трех Индий», никак не выделял китайских торговцев среди прочих. Важно учитывать, что действие в эту эпоху в империи Мин «морского запрета» фактически сводило всю частную торговлю китайцев в странах Южных морей на положение контрабандной, что вынуждало китайских торговцев идти на различные уловки, в частности — инсценировки иноземных «даннических» миссий (Бокщанин 1968: 162–163). Некоторые китайские переселенцы в Юго-Восточной Азии становились пиратами. С представителями этой полукупеческой-полуконтрабандистской среды китайцев Нусантары Конти мог иметь дело. Возможно, этим обстоятельством может быть отчасти объяснено подозрительное

«неведение» венецианца о смене в Китае династий и отсутствие привязки гигантских кораблей именно к Китаю. Столь же подозрительным, как и молчание о мусульманах и мусульманских государствах в Малайско-Индонезийском мире и в Южной Азии, выглядит обход Николо Конти сюжетов, связанных с распространенным в регионе пиратством. Рассказ купца содержит скудные указания на то, чем он торговал, где жил и что видел из ярких явлений, маркирующих определенные области, однако в нем нет данных о том, какие изменения претерпели статус и идентичность самого купца-«франка» в Малайско-Индонезийском регионе.

Рассказы о Востоке (в частности, Нусантаре) венецианского купца Николо Конти флорентийскому гуманисту Поджо Браччолини — продукт диалога между рассказчиком и автором текста. Рассказчик описывал свой долговременный опыт пребывания в нескольких инокультурных средах. Описание Малайско-Индонезийского региона венецианским купцом выделялось на фоне других описанных им стран огромными лагунами. Молчание Конти не менее значимо, чем его рассказ. Путешественник рассказывал об амоке, но умолчал про бетель, который не мог не употреблять по многу раз, говорил об агрессивности яванцев и их любви к оружию, но не поделился сведениями о пиратстве, идея противостояния которому была важной составляющей официального нарратива Венецианской республики. Купец, рассказывая о пугающих реалиях островного мира, по-видимому, стремился перечеркнуть собственный долговременный опыт пребывания в Нусантаре, который вполне мог быть связан с пиратской или околосиратской средой. Политическая и религиозная карты Нусантары — при всей ее пестроте в эту эпоху — в отчете Конти не представлены. Купец не приводил сведений о том, какому государю принадлежал тот или иной город или остров. Его карта региона — это карта товаров и торговли. Даже батакской охоте за головами Конти приписывал «коммерческие» мотивы. Венецианский купец поведал ученой аудитории о ценных пряностях, птицах и оружии — крисе, вероятнее всего. Негативизм в рассказе Николо Конти о нравах яванцев не оттенялся, в отличие от труда Ма Хуаня, указаниями на их искусное мастерство в изготовлении оружия. В «малайско-индонезийских» эпизодах отчета Конти нет амбивалентности, отличающей его описания обычаев континентальной Южной и Юго-Восточной Азии. В целом Нусантара оказалась равноудаленной для рассказчика и гуманиста и от Европы, и от «Третьей Индии» (Бирмы и Китая), которые на вершине культурной иерархии Конти и Браччолини занимали равную позицию. Мотив «крайнего предела» мира в отчете венецианца имел в первую очередь значение отталкивающей границы обитаемых, доступных и познаваемых пространств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ал-Йа'куби*. Книга стран (Китаб ал-булдан) / вступ. ст., пер., комментарии и указатели Л. А. Семеново́й; отв. ред. Д. В. Микульский. М., 2011.
- Бандиленко Г. Г., Гневушина Е. И., Деопик Д. В., Цыганов В. А.* История Индонезии. М., 1992. Ч. 1.
- Бокщанин А. А.* Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968.
- Ван Даюань*. Дао и чжи люэ цзяоши [=«Краткое описание островных варваров» с комментариями] / комм. Су Цзицина. Пекин, 1981.
- Возчиков Д. В.* Религиозные практики Индии и Юго-Восточной Азии в отчете венецианского путешественника XV в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127). С. 210–223.
- Гири К.* Интерпретация культур. М., 2004.
- Головнёв А. В.* Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 6–16.
- Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XIV вв. Тюмень, 1995.
- Захаров А. О.* Некоторые замечания о топониме «Ява» в I тыс. нашей эры // Вестник древней истории. 2012. № 3 (282). С. 77–92.
- Ибн Баттута на Суматре и Малакском полуострове* / вступ. ст., пер. с араб. яз. и коммент. А. А. Янковской // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 3. С. 123–137.
- Книга Марко Поло* / пер. со старофранц. И. П. Минаева; предисл. В. В. Бартольда. М., 2012.
- Кобзев А. И., Еремеев В. Е.* География // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М., 2006. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. С. 226–249.
- Краснодембская Н. Г.* Птица в обыденном и сакральном пространстве в культуре сингалов (Шри Ланка) // Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии: сборник статей. СПб., 2009. С. 117–142.
- Лучицкая С. И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
- Ма Хуань*. Ин я шэн лань цзяочжу [=«Пленительные виды / Полный обзор океанских берегов» со сверкой и коммент.] / под ред. и с комм. Фэн Чэнцзюня. Пекин, 1955.
- Погадаев В. А.* «Я хочу обручиться с крисом» // Восточная коллекция. 2007. № 3 (30). С. 133–141.
- Ревуненкова Е. В.* Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб., 2008.
- Ревуненкова Е. В.* Индонезия и Малайзия — перекресток культур. СПб., 2010. (Маклаевский сборник; вып. 2).
- Станюкович М. В.* Охота за головами у ифугао: Практика и ритуал (по материалам начала XX в.) // Этнография, история, культура стран Южных морей. Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 141–150.
- Станюкович М. В.* Черное и белое. Бетель, чернение и подпиливание зубов и колониальные предрассудки // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира. СПб., 2015. (Маклаевский сборник; вып. 5). С. 243–264.

Станюкович М. В. Кокосовая чарка, бамбуковый стакан. Этнография и этноботаника хмельной культуры Юго-Восточной Азии // Сборник МАЭ. Музейные коллекции и современная культура народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Океании. СПб., 2018. Т. 65. С. 29–49.

Тафур П. Странствия и путешествия / пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиеля Санчеса. М., 2006.

Тюрин В. А. Аче — полития на периферии исламского мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 3. С. 32–47.

Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. 2.

Чжао Жугуа. «Чжу фань чжи» (1225 г.). Сообщение о государстве Шривиджая / введ., пер. с китайского и коммент. М. Ю. Ульянова // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1996. № 6. С. 144–155.

Чжао Жугуа. «Чжу фань чжи» (1225 г.). Сообщения о подвластных Шривиджайе государствах / введ., пер. с китайского и коммент. М. Ю. Ульянова // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1999. № 1. С. 156–166.

Чжоу Цюй-фэй. За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да) / пер. с кит., введ., коммент. и прил. М. Ю. Ульянова. М., 2001.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981.

Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007.

Янковская А. А. Средневековые арабские источники по Малайско-Индонезийскому региону // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 13: Востоковедение, африканистика. 2014. Вып. 3. С. 47–53.

Янковская А. А. География бетеля в «Путешествии» Ибн Баттуты // Бетель, кава, кола, чаг. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира. СПб., 2015. (Маклаевский сборник; вып. 5). С. 32–41.

Bracciolini P. *Historiae de varietate fortunae libri quatuor*. Paris, 1723.

Breazeale K. Editorial Introduction to Nicolò de' Conti's Account // SOAS Bulletin of Burma Research. 2004. Vol. 2. № 2. P. 100–109.

Colless B. E. Majapahit Revisited: External Evidence on the Geography & Ethnology of East Java in Majapahit Period // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society. 1975. Vol. 48, № 2 (228). P. 124–161.

Federici C. Viaggio di M. Cesare dei Federici, nell' India orientale & oltre l'India: nelquale si contengo no cose dilettenoli dei riti, & de i costami di quei paesi. Venezia, 1587.

Le voyage aux Indes de Nicolò de Conti (1414–1439) / ed. by A.–L. Amilhat-Szary, G. Bouchon. Paris, 2004.

Ma Huan. Ying-yai Sheng-lan: The Overall Survey of the Ocean's Shores (1433) / ed. and transl. by J. V. G. Mills. Cambridge, 1970.

Rubiés J.-P. Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625. Cambridge, 2000.

Suarez T. Early Mapping of Southeast Asia: The Epic Story of Seafarers, Adventurers, and Cartographers Who First Mapped the Regions Between China and India. Singapore, 1999.

The Travels of Nicolò Conti in The East in The Early Part of The Fifteenth Century // India in The Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India / ed. by R. H. Major. London, 1857. P. 1–39.

Tucci U. Mercanti, viaggiatori, pellegrini nel Quattrocento // Storia della cultura veneta. Vol. 3: Dal primo Quattrocento al concilio di Trento. P. 2. Venezia, 1980. P. 317–356.

AMOK, PARROTS AND A MAGIC TREE: THE WORLD OF NUSANTARA AS DESCRIBED BY A 15th CENTURY VENETIAN MERCHANT

ABSTRACT. This article observes the imagery of Nusantara in the report of Nicolò Conti (ca. 1395–1469) a Venetian traveller and merchant of the first half of the 15th century. The merchant's itinerary contains a brief description of the Malay-Indonesian world — a product of a dialogue between a merchant himself and a humanist Poggio Bracciolini. Conti reported about his visits to Sumatra, “two Javas” (probably, Java and Borneo or Java and Southern Sumatra) and Champa. The merchant perceived Nusantara mainly as a region of violence and unbridled morals, he described a scene of amuk in details. This traveller also paid particular attention to the valuable merchandise of the region: spices and exotic plants and animals, including the Moluccan parrots. However, Conti's account lacks any mentions of the states, rulers or palaces in the Malay-Indonesian region. This distinguishes his account from many other sources on Nusantara (Chinese and Muslim ones). Conti's silence about the political entities or kings of Nusantara makes localization or identifying of some certain features of the region rather difficult. Conti's lack of attention to the religious practices of Nusantara contrast with his deep attention the Hindu traditions of the South Asia. The understanding of Conti's specific social milieu can explain the reasons of his silence about such important issues. In general, Conti's image of Nusantara is mainly an extreme confine of the world, marked with notable but terrifying features.

KEYWORDS: Nicolò Conti, Nusantara, Java, Sumatra, medieval voyages, the Republic of Venice, Majapahit, Ma Huan, orientalism

Dmitry V. VOZCHIKOV — Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: catullus89@mail.ru

REFERENCES

Amilhat-Szary A.–L., G. Bouchon (eds.). *Le voyage aux Indes de Nicolò de Conti (1414–1439)* [The Trip to India by Nicolò de Conti (1414–1439)]. Paris: Chandeigne, 2004, 173 p. (in French).

Bandilenko G. G., Gnevushina Ye. I., Deopik D. V., Tsyganov V. A. *Istoriya Indonezii* [History of Indonesia]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1992, part 1, 304 p. (in Russ.).

Bokshchanin A. A. *Kitay i strany Yuzhnykh morey v XIV–XVI vv.* [China and the Countries of the South Seas in the 14–16th Centuries] Moscow: Nauka Publ., 1968, 212 p. (in Russ.).

Breazeale K. Editorial Introduction to Nicolò de' Conti's Account. *SOAS Bulletin of Burma Research*, 2004, vol. 2, no. 2, pp. 100–109. (in English).

Colless B. E. Majapahit Revisited: External Evidence on the Geography & Ethnology of East Java in Majapahit Period. *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*, 1975, vol. 48, no. 2 (228), pp. 124–161. (in English).

Geertz C. *Interpretatsiya kultur* [The Interpretation of Cultures]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, 560 p. (in Russ.).

Golovnev A. V. [Anthropology of Travel: from *Imago Mundi* to *Selfie*]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2016, no. 2 (51), pp. 6–16. (in Russ.).

Hennig R. *Nevedomye zemli* [Unknown lands]. Moscow: Inostrannaya literatura Publ., 1961, vol. 2, 531 p. (in Russ.).

Iankovskaia A. A. (pref., transl., comment.) [Ibn Battuta in Sumatra and Malay Peninsula: Introduction, Translation and Commentary]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost* [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity], 2014, no. 3, pp. 123–137. (in Russ.).

Iankovskaia A. A. [Medieval Arabic Sources on the Malay World] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 13: Vostokovedenie i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 13: Asian and African Studies], 2014, iss. 3, pp. 47–53. (in Russ.).

Iankovskaia A. A. [Betel geography in Ibn Battuta's "Journey"]. *Betel, kava, kola, chat. Zhevatelynye stimulyatory v rituale i mifologii narodov mira* [Betel, Kava, Cola, Chat. Chewing Stimulants in Ritual and Mythology]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2015, pp. 32–41. (Maclay Publications; iss. 5). (in Russ.).

Kobzev A. I., Yermeev V. Ye. [Geography]. *Dukhovnaya kultura Kitaya: entsiklopediya. T. 5: Nauka, tekhnicheskaya i voennaya mysl, zdoravookhranenie i obrazovanie* [China's Spiritual Culture: Encyclopedia. Vol. 5: Science, Technical and Military Thought, Health and Education]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006, pp. 226–249. (in Russ.).

Krasnodembskaya N. G. [Bird in the Ordinary and Sacred Space in the Culture of Sinhalese (Sri Lanka)]. *Aziatskiy bestiariy. Obrazy zhivotnykh v traditsiyakh Yuzhnoy, Yugo-Zapadnoy i Tsentralnoy Azii* [Asian bestiary. Images of Animals in the Traditions of South, South-West and Central Asia]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2009, pp. 117–142. (in Russ.).

Luchitskaya S. I. *Obraz Drugogo: musulmane v khronikakh krestovyykh pokhodov* [Image of the Other: Muslims in the Chronicles of the Crusades]. St. Petersburg: Aleteyya, 2001, 398 p. (in Russ.).

Ma Khuan (馬歡). 瀛涯勝覽校注 / 馮承鈞校注 [The Overall Survey of the Ocean's Shores Annotated]. Beijing: Zhonghua shuju, 1955, 72 p. (in Chinese).

Masiel Sanchez L. K. (pref., transl., comment.) Tafur Pero. *Stranstviya i puteshestviya* [Wanderings and Travels]. Moscow: Indrik Publ., 2006, 296 p. (in Russ.).

Mikulskiy D. V. (ed.), Semenova L. A. (pref., transl., comment.) al-Ya'kubi. *Kniga stran (Kitab al-buldan)* [al-Ya'qub. Country book (KITAB AL-buldan)]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2011, 365 p. (in Russ.).

Mills J. V. G. (ed., transl.). Ma Huan. *Ying-yai Sheng-lan: The Overall Survey of the Ocean's Shores (1433)*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970, 393 p. (in English).

Minaev I. P. (transl.), Bartold V. V. (pref.) *Kniga Marko Polo [Marco Polo Book]*. Moscow: Knigovek Publ., 2012, 400 p. (in Russ.).

Pogadaev V. A. ["I want to get engaged to the chrisom"]. *Vostochnaya kollektsiya* [Eastern Collection], 2007, no. 3 (30), pp. 133–141. (in Russ.).

Revunenkov E. V. *Sulalat-us-salatin: malayskaya rukopis Kruzenshterna i ee kulturno-istoricheskoe znachenie* [Sulalat-us-Salatin: the Krusenstern Malay Manuscript and its Cultural and Historical Significance]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2008, 672 p. (in Russ.).

Revunenkov E. V. *Indoneziya i Malayziya — perekrestok kultur* [Indonesia and Malaysia — Crossroads of Cultures]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2010, 622 p. (Maclay Publications; iss. 2). (in Russ.).

Rubiés J.-P. *Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000, 472 p. (in English).

Schafer E. *Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinakh v imperii Tan* [Samarkand Golden Peaches. A Book about Alien Wonders in the Tang Empire]. Moscow: Nauka Publ., 1981, 608 p. (in Russ.).

Stanyukovich M. V. [The Hunt for the Heads of Ifugao: Practice and Ritual (Based on Materials from the Beginning of the 20th Century)]. *Etnografiya, istoriya, kultura stran Yuzhnykh morey. Maklaevskie chteniya 1995–1997 gg.* [Ethnography, History, Culture of the Countries of the South Seas. Maklay readings 1995–1997]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 1997, pp. 141–150. (in Russ.).

Stanyukovich M. V. [Black and white. Betel, Teeth Blackening and Filing, and Colonial Prejudices]. *Betel, kava, kola, chat. Zhevatelnye stimulyatory v rituale i mifologii narodov mira* [Betel, Kava, Cola, Chat. Chewing Stimulants in Ritual and Mythology]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2015, pp. 243–264. (Maclay Publications; iss. 5). (in Russ.).

Stanyukovich M. V. [Coconut Cup, Bamboo Cup. Ethnography and Ethnobotany of Alcohol in Southeast Asia]. *Sbornik MAE. Muzeynye kollektsii i sovremennaya kultura narodov Indonezii, Malayzii, Filippin, Okeanii* [Collection of MAE. Museum Collections and Modern Culture of the Peoples of Indonesia, Malaysia, the Philippines, Oceania]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2018. vol. 65, pp. 29–49. (in Russ.).

Suarez T. *Early Mapping of Southeast Asia: The Epic Story of Seafarers, Adventurers, and Cartographers Who First Mapped the Regions Between China and India*. Singapore: Periplus, 1999, 280 p. (in English).

Tucci U. *Mercanti, viaggiatori, pellegrini nel Quattrocento* [Merchants, Travelers, Pilgrims in the Fifteenth Century]. *Storia della cultura veneta. Vol. 3: Dal primo Quattrocento al concilio di Trento* [History of Venetian Culture. Vol. 3: From the First Fifteenth to the Council of Trent]. Venezia: Pozza, 1980, pp. 317–356. (in Italian).

Tyurin V. A. [Aceh, a Polity on the Periphery of the Islamic World]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost* [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity], 2010, no. 3. pp. 32–47. (in Russ.).

Ulyanov M. Yu. (pref., transl., comment.) [Zhao Zhugua. “Zhu Fan Zhi” (1225). Report on the State of Srivijaya]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost* [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity], 1996, no. 6, pp. 144–155. (in Russ.).

Ulyanov M. Yu. (pref., transl., comment.) [Zhao Zhugua. “Zhu Fan Zhi” (1225). Reports of the subordinate states of Srivijaya]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost* [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity], 1999, no. 1, pp. 156–166. (in Russ.).

Ulyanov M. Yu. (pref., transl., comment.) *Chzhou Tsyuy-fey. Za khrebtami. Vmesto otvetov (Ling wai dai da)* [Zhou Qufei. Behind the ridges. Instead of Answers (Ling Wai Dai Da)]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2001, 528 p. (in Russ.).

Vozchikov D. V. [Practices of India and Southeastern Asia: an Account of a 15th Century Venetian Traveller]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia of the Ural Federal University Journal. Ser. 2. Humanities and Arts], 2014, no. 2 (127), pp. 210–223. (in Russ.).

Wang Dayuan (汪大淵). 島夷誌略校釋 / 蘇繼庠校釋 [A Shortened Account of the Non-Chinese Island Peoples, with Annotations and Footnotes]. Beijing: Zhonghua shuju, 1981, 434 p. (in Chinese).

Yemanov A. G. *Sever i Yug v istorii kommersii: na materialakh Kaffy XIII–XIV vv.* [North and South in the History of Commerce: on the Materials of Kaffa 13–14th Centuries] Tyumen: RUTRA Publ., 1995, 225 p. (in Russ.).

Yurchenko A. G. *Kniga Marko Polo: zapiski puteshestvennika ili imperskaya kosmografiya* [The Book of Marco Polo: Traveler’s Notes or Imperial Cosmography]. St. Petersburg: Yevraziya Publ., 2007, 864 p. (in Russ.).

Zakharov A. O. [A Note on the Place-Name “Java” in the I Millennium AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 2012, no. 3 (282), pp. 77–92. (in Russ.).